

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ МИФА О СТРУКТУРЕ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Ставицкий Андрей Владимирович

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г.
Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению вопроса, как общая теория мифа описывает структуру его функционирования, отталкиваясь от известной теории структуры мифов, предложенной К. Леви-Стросом, который исходил из того, что миф – это не культурная универсалия, а лингвистический объект. Исследование структуры мифа крайне важно для его понимания. Особенно, если это делается через функции мифа. Функции мифа показывают, как миф воздействует на человека и общество и какую роль в нем играет, раскрывая миф как базовую универсалию культуры, которая не только стала «колыбелью человечества», но и продолжает в нем функционировать, формируя смысловое поле культуры. Однако до сих пор функции мифа не были структурированы. В статье предлагается один из вариантов такого описания с учетом, что в силу своей универсальной пластичности миф использует структуру того, что мифологизирует. И в этом смысле какой-то особой структуры у него нет. Однако это не мешает исследователям предлагать и описывать структуры мифа, хотя бы для удобства его понимания, включая структуру его функционирования.

Ключевые слова: миф, современный миф, функции мифа, структура мифа, общая теория мифа, К. Леви-Строс, неклассическая мифология

GENERAL THEORY OF MYTH ON THE STRUCTURE OF ITS FUNCTIONING

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol (Sevastopol, Russia)

Abstract

The article deals with the question how the general theory of myth describes the structure of its functioning, proceeding from the well-known theory of myth structure proposed by C. Lévi-Strauss, who proceeded from the fact that myth is not a cultural universal, but a linguistic object. A study of the structure of myth is essential to its understanding. Especially if this is done through the functions of myth. The functions of myth show how myth affects the individual and society and what role it plays in it, revealing myth as a basic universalia of culture, which not only became the "cradle of humanity", but also continues to function in it, forming the semantic field of culture. However, so far the functions of myth have not been structured. The paper suggests one of the options for such a description, taking into account that, due to its universal plasticity, myth uses the structure of what it mythologises. And in this sense it does not have any special structure. However, this does not prevent researchers from proposing and describing the structures of myth, if only for the convenience of understanding it, including the structure of its functioning.

Key words: myth, modern myth, function of myth, structure of myth, general theory of myth, C. Lévi-Strauss, non-classical mythology

Введение (Introduction)

В науке о мифе назрела такая ситуация, когда знаний в рамках классической мифологии, сводящей миф к сказаниям о богах и героях, уже явно недостаточно, потому что существование современного мифа уже никак не скрыть. Именно поэтому

общество с одной стороны заговорило о возвращении мифа, пытаясь с одной стороны подыскать ему какое-то другое название (псевдомиф, фейк, постправда), а с другой начало съезжать к обывательским подходам, когда миф просто приравнивается к лжи и объявляется порождением массового сознания.

Причиной возвращения мифа первоначально была объявлена некая общая деградация человека и тотальная манипуляция сознанием власти и средств массовой информации. Ведь иначе пришлось бы признать, что виной тому природа *homo sapiens*, который без мифов жить не может, хотя и старательно это скрывает. Но почему? Потому что деградировал, вызвав тотальный по своим масштабам мифологический ренессанс, или миф не только привёл к возникновению человека и культуры, став колыбелью человечества, но и сейчас лежит в основе их существования, являясь базовой культурной универсалией [29]?

Для исследователей мифа, знакомых с его онтологией, данный вопрос является риторическим, потому что они считают, что миф никуда не уходил. Просто наука доросла до того, чтобы понять, что миф онтологичен, а бытие мифологично, поскольку мифотворчество свойственно человеку и обществу уже в силу потребности в смыслах, а миф эти смыслы создаёт [32]. На этих принципах строятся общая теория мифа и т.н. неклассическая мифология, процесс формирования которых сейчас идёт полным ходом. Но открыто признаться в этом в силу известной исторической инерции даже наука никак не решается, сохраняя данную истину лишь для внутреннего использования [34].

Однако современные исследователи всё чаще открыто заявляют, что миф играет в обществе огромную роль, меняясь вместе с ним, и потому обществом не распознаётся, воспринимаясь не как миф, но как прочувственная, пережитая и в образно-символической форме отражённая сознанием реальность [31], хотя ранее многие столетия считалось, что со времён Гесиода и Аристотеля миф человеком с помощью науки полностью преодолён, ибо стыдно человеку разумному верить во всякое враньё даже про богов и героев.

В действительности миф никуда не уходил, так как он внутренне присущ обществу, культуре, человеку [35], представляя одну из базовых универсалий культуры, без которой невозможно осмысленное существование людей [14; 31]. И эта простая и вполне понятная мысль положена в основу зарождающейся в процессе новейших исследований общей теории мифа.

Российский философ А. Гулыга об этом написал так: «Миф - форма сознания, свойственная человеку, как свойственны ему другие формы сознания. Разрушение мифа приводит не к господству рациональности, а к утверждению другого мифа» [3, с. 275]. Только и всего. Казалось бы, понять его мысль несложно. Однако до сих пор по привычке мифами в обществе называют те ранее господствовавшие истины, которые устарели и стали несовместимыми с представлениями людей. И наука этим умело пользуется, скрывая, что с помощью мифа она развивается и растёт, черпая из мифа свои интуиции, чтобы создать теории, которые станут научными истинами, пока не устареют, чтобы потом быть объявленными мифом и замененными на новые.

При этом исследователи подчёркивают, что в условиях перехода человечества к эпохе информационного общества роль мифа резко возрастает. Ведь он обеспечивает социум символически означенными ценностными смыслами, в соответствии с которыми человек будет жить [5]. А с учётом бурного развития информационных технологий миф стал оружием массового поражения, с помощью

которого власти конструируют идентичность и контролируют сознание людей [33], как это произошло на Украине.

Последнее обстоятельство требует иного отношения к мифу, более глубокого его изучения, чтобы не наделать новых бед в дополнение к прежним. И знание структуры мифа могло бы существенно этому помочь.

Именно поэтому особое место в изучении мифа играют исследования его структуры и функционирования. И общая теория мифа уделяет данному вопросу должное внимание. Их важность и значимость связана с тем, что через структуру мифа определяются его природа, смысл, назначение, а также характер функционирования, что в свою очередь, благодаря подключению соответствующих контекстов, позволяет лучше понять не только современный миф, но и его роль в жизни людей и общества в целом [6]. По мнению К. Леви-Строса, «структура не имеет обособленного содержания: она сама является содержанием, заключенным в логическую форму, понимаемую как свойство реальности» [12, с. 9]. Поэтому в структурности заложена суть мифа, ради которой он существует [4]. Насколько же данная проблема исследована?

Литературный обзор (Literature Review)

Рассмотрению структуры мифа посвящено немало работ, хотя они, как правило, носят эпизодический, а не системный характер и производят впечатление повторения пройденного. Из авторов, занимавшихся данной проблематикой, в первую очередь стоит отметить Т.М. Алпееву, Ю.М. Лотмана [15], Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Г.Н. Оботурову, Б.Л. Огибенина, В.М. Пивоева [24], В.С. Полосина [25], В.Я. Проппа, Е.Н. Ростошинского [28], О.К. Садовникова и др. Однако особое место среди них, безусловно, занимает великий французский антрополог К. Леви-Строс.

Его вклад в изучение структуры мифа настолько важен и значим, что после публикации результатов его исследований по структуре мифов [13, с. 213–241] этот вопрос в какой-то степени считался закрытым. И именно в этом заключается основная сложность данной работы. Ведь ставить вопрос о пересмотре общепринятых выводов и идей всегда трудно, так как обосновывать новое следует, преодолевая психологические установки на поддержку заслуженного и привычного. Но по мере нарастания вопросов и проблем необходимость в новых исследованиях и идеях становилась всё более очевидной и сейчас набрала критическую массу, чтобы воплотиться в теории, обобщающей всё лучшее, чтобы было предложено мифологами за последние 200 лет, и способной совершить в мифологии «коперниканский переворот».

В основе сложившейся проблемы лежал парадокс мифологической структуры, который заключался в том, что, с одной стороны, как символически означенный образ реальности миф должен быть структурированным. Ведь даже самые элементарные явления знаковой системы обретают структуру, если их наделять смыслом, а миф – это смыслоносущая реальность и мифотворчество есть процесс смыслообразования. Но с другой стороны – при такой универсальной пластичности и многообразии проявлений некая единственная и законченная структура мифу не нужна.

Последнее обстоятельство требовало основательной проверки, результатом которой и стал ряд исследований, поставивших прежние установки под сомнение [36; 30]. Они, в частности, выявили, что в легендарной работе К. Леви-Строса «Структура мифов» была допущена одна принципиальная методологическая ошибка, когда великий антрополог решил рассматривать миф не как культурную универсалию, но как лингвистический объект. Без сомнения, у него были на то основания. Ведь миф

проявляет себя вербально. И потому его статья и произвела такой ошеломляющий эффект на современников. Тогда все пазлы сложились. Ответ был дан. И он устроил всех. Однако, возможно, тем печальнее общий итог, напоминающий, что о величии того или иного мыслителя можно судить не только по тому, насколько он продвинул науку, но и по тому, насколько он её задержал.

Сей итог заключается в том, что в одном из самых любимых детских мультфильмов последних лет под названием «Панда кунг фу» прозвучало из гусяного клюва приёмного отца панды по имени По: «Секретного ингредиента не существует». В мультфильме речь сначала шла о лапшичном супе. Потом она оказалась применима к свитку воина дракона. У нас же речь идёт о мифе. Но приход к пониманию явлений аналогичный.

«Трудно в тёмной комнате искать серую кошку. Особенно, если её там нет», – нередко напоминают старую китайскую поговорку в тех случаях, когда речь заходит о какой-либо надуманной или не разрешённой проблеме. И со структурой мифа история примерно такая же. Ведь универсальное и неисчерпаемое в своём многообразии явление не может быть сведено к какой-то частности, какой бы значимой эта частность для мифа ни была. А его надо рассматривать в максимально возможном «расширительном» понимании, чтобы не упустить ни одно из его проявлений. Поэтому структуризации подвергается даже не сам миф, а его понятие, о чём неоднократно писал А.Ф. Лосев, предлагая несколько вариантов структурирования мифа, начиная с диалектической триады в «Диалектике мифа» и заканчивая сложной структурной иерархией в «Философии имени» [14, с. 29–204].

Что касается самого мифа, то он в силу своей универсальной пластичности как вода принимает форму и структуру того, что мифологизирует. Через мифологизацию он придаёт вещи или явлению иное, соотносимое с нашими желаниями значение и, как бы овладевает ими, обращая в миф.

Исходя из этого, предложенную К. Леви-Стросом структуру мифа можно отнести к великим заблуждениям XX века, которое увлекает и очаровывает исследователей уже более пятидесяти лет, но в познании мифа не продвигает, несмотря на титанический труд великого французского антрополога и его многочисленных последователей. Впрочем, его вклада в изучение мифа данный аспект несколько не умаляет. Тем более, что иные ошибки в дальнейшем процессе познания играют роль опоры для того, чтобы, оттолкнувшись от них, двигаться дальше [2]. Поэтому нам не стоит бросать на чаши весов авторитет учёного и необходимость в дальнейшем познании.

Однако вернёмся к функциям мифа и возможности структурировать миф с их помощью. Именно посредством функционирования миф проявляет себя. Как, впрочем, и мир. Все вещи и соответствующие им отношения функциональны. Попробуем через функции структурировать миф, чтобы лучше понять не только, что он есть как явление, но и как работает.

Функции мифа в рамках научных школ и специализаций

Известно, что структура мифа как универсальной социокультурной системы может выстраиваться на основе его функций [26], так как через функции мифа раскрывается его сущность [24], а функции в свою очередь есть проявление сущности мифа во всём его разнообразии и целостности, как и чего-либо другого. Более того, возможно, функции мифа дают шанс выстроить структуру мифа, исходя не из сопутствующих мифу контекстов, а из него самого.

Впрочем, поскольку общего единства применительно к функциям среди исследователей мифа не наблюдается, есть смысл остановиться на данном вопросе подробнее.

Так, наиболее приемлемыми для большинства мифологов считаются следующие функции мифа, которые одним из первых предложил и обосновал В.М. Пивоев:

- аксиологическая, благодаря которой миф формирует высшие ценности и выступает средством самовосхваления и воодушевления;
- телеологическая, позволяющая через миф определять цель и смысл человеческого существования;
- праксиологическая, реализуемая в трех планах: прогностическом, магическом и творчески-преобразовательном;
- коммуникативная, согласно которой миф является связующим звеном эпох и поколений;
- познавательная и объяснительная;
- компенсаторная, выступающая средством адаптации там, где удовлетворение каких-либо потребностей невозможно.

Однако в силу привычного деления исследователей мифа на различные «школы» и научные направления, нам придётся не только допустить возможность разных подходов к мифу с точки зрения его функционирования, но и кратко рассмотреть их.

Так, сторонники продолжавшего традицию разработки понятия мифа применительно к «древним» и «традиционным» обществам историко-культурного (антропологического) подхода (Дж. Фрезер, Э. Тайлор, Л. Леви-Брюль, С.С. Аверинцев, Ф.Х. Кессиди, Е.М. Мелетинский, В.Я. Пропп, С.Ю. Неклюдов [22] и др.) выделяют в первую очередь мировоззренческую, познавательную, смыслообразующую, ритуализирующую функции, а также функции персонификации мира вещей и явлений, передачи и воспроизводства коллективного опыта и общей традиции [20].

Сторонники философско-культурологического подхода (А.Ф. Лосев, Й. Хейзинга, М. Элиаде, Я.Э. Голосовкер, К. Хюбнер, П.С. Гуревич, М.К. Мамардашвили и др.) чаще ссылаются на мировоззренческую, символическую [16], познавательную функции, а также функцию социализации человека и сохранения традиций.

Представители психоаналитического подхода (З. Фрейд, К.Г. Юнг, Э. Фромм, Ж. Лакан, Э. Ноэль-Нойманн, В. Франкл, Л.Я. Гозман, С. Гроф, Д.В. Ольшанский, Т. Стефаненко, Е.Б. Шестопал, Т. Шибутани и др.) чаще ссылаются на терапевтическую, мобилизующую, моделирующую, нормализующую, морально-этическую и ритуализирующую функции.

Исследователи, опирающиеся на символический подход (Э. Кассирер, А.Ф. Лосев, П. Рикер и др.), чаще упоминают символизирующую, моделирующую, познавательную и упорядочивающую функции.

Изучающие миф как языковой феномен сознания, сторонники лингвистического подхода (Э. Бенвенист, Л. Ельмслев, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон и др.) в первую очередь выделяют функции означивания и символизации.

Учёные, опирающиеся на семиологический подход (К. Леви-Строс, Р. Барт, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман [15], Б.А. Успенский, А.М. Пятигорский [27] и др.), среди важнейших функций мифа обычно упоминают функции символизации, означивания,

символической организации и принуждения, моделирования, интерпретации и классификации.

Исследователи, рассматривающие социальную сущность мифа как превращенную форму социального бытия, продуцирующую мифы, как «иллюзорные конструкты сознания», в рамках социально-философского подхода (Т.М. Алпеева, Т.В. Евгеньева, В.Г. Ибрагимов, И.И. Кравченко, А.А. Мишучков, Г.В. Осипов) отдают предпочтение функциям регулирования, систематизации, социальной интеграции и моделирования.

Отдельно стоит коснуться работы А.А. Мишучкова «Специфика и функции мифологического сознания» [21], в которой он, опираясь на идеи Т.М. Алпеевой, Ф.Х. Кессиди, Е.М. Мелетинского, В.М. Пивоева, К. Хюбнера и О.М. Фрейденберг, выделяет следующие мифологические функции:

- социально-практическую, отвечающую за организацию целостности и единства коллектива через самоидентификацию индивида;
- идеолого-прагматическую, необходимую для стабилизации в мифологической картине мира существующего положения вещей как вечных и неизменных;
- мнемотически-ориентировочную¹, как оформляющую человеческое самосознание функцию отражения;
- познавательную, которую он объединяет с объяснительной, когнитивной и этиологической функциями;
- мировоззренческую, основанную «на опыте некритично воспринятого и духовно-практически освоенного мира»;
- телеологическую (целевую);
- аксиологическую (ценностную и оценочную), которая задаёт определённую ценностную шкалу всем явлениям и отношениям;
- социализующую;
- эстетическую;
- коммуникативную;
- функцию интериоризации² для усвоения и натурализации мифов;
- сигнификативно-моделирующую³, которая отвечает за построение символически-знаковой системы действительности и мифическое моделирование;
- нормативную (оправдательную), мифологизирующую традиционалистские нормы и поддерживающую менталитет;
- праксеологическую (ритуально-магическую), которая направлена на поддержание и реконструкцию этического и социального равновесия в обществе посредством ритуала, обычая, обряда, магии, гадания [24];
- мобилизационную, создающую на базе коллективных представлений яркие образы, заряжающие людей уверенностью и энтузиазмом в коллективной деятельности;
- медитативную, используемую для создания особых (магических, лечебных, спонтанных) практик «измененных состояний сознания»;

¹ Мнемотически-ориентировочная - функция отражения, оформляющая человеческое самосознание; конституируя общность в языковом, этническом, культурном отношении.

² Интериоризация — формирование внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешней социальной деятельности, присвоения жизненного опыта, становления психических функций и развития в целом.

³ Сигнификативно-моделирующая функция отвечает за построение символической, знаковой системы действительности.

- социально-компенсаторную, снимающую стрессы.

Однако, к сожалению, ни у одного из названных выше исследователей функции мифа не рассматривались структурно. Хотя связь между структурой мифа и его функциями была очевидна многим.

Функции мифа по Д.П. Козолупенко: опыт критического анализа

Как видим, предложенные варианты функций не только не дают возможности использовать их как основу для структурирования мифа, но и заводят исследователей в своеобразный тупик, делая данную тему бесперспективной. Однако попытки разорвать сей порочный круг предпринимались. И среди них стоит выделить пример, дающий возможность совершить необходимый в данном вопросе прорыв, используя метод «от противного».

Среди специалистов по современному мифу, писавших о его функциях, особо следует отметить исследователя мифа и мифопоэтики Д.П. Козолупенко, которая, посвятив функциям мифа в своей итоговой монографии отдельный раздел, выделяет две основные функции – адаптивную [9, с. 55] и творческую [9, с. 56]. Последняя, по ее мнению, «позволяет существовать изменению как таковому» [9, с. 57]. А остальные упоминаемые ею функции – познавательная, коммуникативная, координационная, интегрирующая – должны рассматриваться как производные от первых двух.

Заметим, что в данном случае следует выделить своеобразную путаницу, которая связана с отсутствием общего знаменателя, когда исследователь пытается сравнить теплое с мягким. А он в свою очередь свидетельствует о явном отсутствии какого-либо методологического подхода и общих параметров¹. Ведь ясно, что все функции мифа осуществляются творчески в силу его текучести, когда в процессе функционирования мифа порой меняется всё. И уже только поэтому выделять отдельную творческую функцию, лишая функцию и процесс адаптации исходного творческого начала, является ошибочным. С другой стороны функции мифа могут:

- быть настроены как на адаптацию, так и на её разрушение;
- осуществлять потребность в познании или наоборот, перекрывать познание по причине завершённой в смысловом плане мировоззренческой полноты;
- координировать и интегрировать или обращать данные процессы вспять, «работая» на усиление противоречий и общий разрыв, как это было, скажем, в СССР в период т. н. «перестройки».

Однако, по мнению Д.П. Козолупенко, разнообразие функций не свойственно мифу, несмотря на смысловое разнообразие самой мифопоэтики. Что само по себе ужестораживает. «Миф как таковой имеет две основные функции: адаптивную и творческую, – утверждает Д.П. Козолупенко. – Первая обеспечивает устойчивость культуры, общества и индивида, а вторая лежит в основе изменения как такового и постоянного распространения интереса человека за рамки существующего мировосприятия, чем способствует гибкости общества и мировосприятия. Прочие функции мифа (познавательная, коммуникативная, координационная, интегративная) оказываются производными от этих двух основных функций» [7].

Возьмём на себя смелость в свою очередь утверждать, что, хотя на первый взгляд подобные умозаключения выглядят убедительно, на самом деле за ними скрывается всё та же мифология. Только научно освящённая мифология мифа,

¹ Справедливости ради следует оговорить, что рассмотрение функций мифа Д.П. Козолупенко выстраивает, опираясь на результаты исследований В.М. Полосина (См.: Полосин В.М. Миф. Религия. Государство. М. 1999. С. 35-42).

которую распространяют исследователи, не только недостаточно разобравшись в мифологии, но и допускающие в ходе своего анализа весьма существенные методологические небрежности¹.

Что же в данных утверждениях настораживает и смущает?

1) Сводить к устойчивости и изменчивости функции мифа, значит путать функции мифа с его свойствами. А отличие их в том, что свойства отличают вещь или явление, независимо от назначения и смысла, подобно розе, которая пахнет без всякого «почему?». А функции не только зависят от смысла, но и делают миф инструментом в чьих-то руках, с помощью которого им воздействуют на сознание людей через общение, общественные институты и культуру.

2) Что касается предложенных основных функций, ясно, что таким образом можно охарактеризовать функции любого явления – от человека до государства, культуры и цивилизации, так как в основе всего существующего лежат «функции» адаптации (сохранения) и преобразования (представленного как творчество) того, что есть. Только помимо функций сохранения и позитивного изменения мифы весьма эффективно реализовывали ещё функцию разрушения, что можно легко проследить в истории и культуре. Однако почему адаптация и творчество как функции у Д.П. Козолупенко разделены и противопоставлены? Какие методологические основы заложены в таком делении? Ведь для обеспечения устойчивости культуры в условиях непрерывного движения тоже необходимо творчество. Тем более, что адаптация у неё соотносится с меняющимся миром, к которому с помощью мифов должны адаптироваться культура и социум, и, следовательно, адаптивная и творческая функции в данном случае есть одно и то же, поскольку может быть связана как с консервацией представлений и отношений, так и с историческими переменами. Иначе говоря, всё, что в мифологии происходит в той или иной степени строится на творчестве. Но нужно ли для этого творчество как способность превращать в функцию? Весьма сомнительно.

3) К тому же непонятно, как в свете этого быть с т. н. «прочими функциями» мифа? К какой именно функции – адаптивной или творческой – отнести уже упомянутые Д.П. Козолупенко функции мифа: коммуникативную, интегративную, координационную и тем более познавательную? Чего они больше требуют – адаптации или творчества? А может, совмещают и то, и другое? Или не видно, что процесс познания необходим как для сохранения системы, так и для её творческого изменения. То же самое касается и остального.

4) Кроме того, данными функциями роль мифа явно не исчерпывается. Как, например, быть, с мировоззренческой функцией? С функцией означивания и символизации действительности? Или с функцией персонификации вещей и явлений? А ведь таких функций мифа намного больше.

Как следствие налицо по данной теме мы видим явную недоработку и путаницу. И она будет еще существенней, если учесть, что миф раскрывается и проявляется через свои функции. Однако, возможно, древние мифологи были методически более грамотными, чем иные современные толкователи мифов, оставив

¹ Следует отметить, что Д.П. Козолупенко рассматривает функции мифа в одном ключе равно как в кандидатской диссертации, так и в докторской, что нашло своё отражение и в двух её монографиях (См.: Козолупенко Д.П. Миф. На гранях культуры. М.: КАНОН+, 2005. С. 152-157; Козолупенко Д. П. Мифопоэтическое мировосприятие: Монография. М.: КАНОН+, 2009. С. 55-58.). Однако полагать, что раз за период между защитами кандидатской и докторской диссертаций Д.П. Козолупенко свою позицию не поменяла, то её следует считать правильной, на наш взгляд, будет ошибочным.

нам ряд подсказок, как в истории водится, одна из которых воплощалась в функциональном разделении главных индуистских ведических богов Брахмы, Вишну и Шивы, которое в совокупности создавало мифологическое единство восприятия и действия.

В данном случае речь идет о базовых функциях – отражения (созерцания), сохранения в созидании и разрушения, которые проявляются и как разное, и как одно по принципу взаимной дополнителности. Впрочем, в данном вопросе самым главным и печальным является то, что на основании функций, предложенных современными исследователями, структуру мифа не выстроишь. И этот факт сам по себе уже является достаточным, чтобы к их классификации отнестись с большим сомнением, понимая, что в данном вопросе следует идти дальше.

Помимо этого, следует учесть и то, что каждая функция, о которых шла речь ранее, не функционирует сама по себе, так как миф не воздействует на человека и общество какой-то одной функцией раздельно, а использует сразу весь «букет» в их реальной неразделённости. Просто действие тех или иных функций в тот или иной период времени может быть более или менее заметным.

К тому же не стоит забывать и о том, что каждая функция в силу синкретичности мифа и его воздействия может выступать в разных ситуациях по-разному, трансформируясь как функция, и вместе с тем оставаясь собой. Так, функция познания при несколько ином угле зрения может рассматриваться как осмысление, а осмысление – как обживание. И это касается всех остальных.

Кстати, применительно к вопросу структурирования мифа через его функции, следует отметить, что помимо Д.П. Козолупенко ещё ряд исследователей решили не ограничиваться простым перечислением и кратким объяснением действия функций, а попытались выделить из них главные, чтобы выстроить на этой основе свою иерархию. Однако, единогласия в том, какую функцию считать основной, у них не наблюдается. «Основная функция [мифа – А.С.] не познавательно-теоретическая, а социально-практическая, направленная на обеспечение единства и целостности коллектива, – считал, разбирая процесс функционирования мифа, философ Е.Н. Ростошинский. – Миф способствует организации коллектива, содействует сохранению его социальной и психологической монолитности, поскольку источник мифа не только страх и подавленность человека, но и мечта об овладении силами природы человеческой волей» [28].

Впрочем, комментируя данную мысль, следует остановиться на том, что, на наш взгляд, попытка заложить в миф основы детерминизма, возможно, похвальна, но малопродуктивна. И приведённый выше текст из работы Е.Н. Ростошинского наглядно это подтверждает. Тем более, если не акцентировать на таком излишне идеализированном названии функции мифа как «познавательно-теоретическая». Ведь миф может лежать в основе и содержательно переполнять различные и по-разному обоснованные теории, включая научные, а мифотворчество – носить форму логически выверенного теоретизирования, как это было, например, у К. Маркса и З. Фрейда [27]. Но проводить знак равенства между мифом и теорией – пожалуй, несколько упрощённо и прямолинейно. Теория может облекаться в «одежды» мифа и нести его в себе на смысловом уровне, там, где нужно что-то домысливать. Но задачи и формы проявления всё-таки у них разные. Хотя грань может быть и не видна.

Поэтому, когда речь идёт об основных функциях мифа, то необходимо учесть, что в какой-то степени они работают одновременно и комплексно, обеспечивая тотальное воздействие мифа там, где это необходимо. В частности, познавательный

процесс позволяет, как минимум, осуществить полноценную социализацию личности, а «социально-практическая» функция – осознать себя частью целого. Но как они могут реализовываться в отрыве друг от друга, для специалиста-мифолога не понятно, потому что мифотворчество – процесс неразрывный. И в нем все функции мифа реализуются одновременно. В такой же степени неуместна и попытка свести источник мифотворчества к страху-подавленности и мечте. Тем более в таком прометеевско-ургическом варианте, как это делает Е.Н. Ростошинский.

Итак, как видим, несмотря на то, что миф является универсалией культуры и изучается более двух тысяч лет, у современных его исследователей понимания сути исследуемого явления в плане его функционирования едва ли не меньше, чем у мыслителей древности. Однако коль тема для нас важна, а проблема очевидна, ее стоит разобрать подробнее.

Структура функционирования мифа

В зависимости от установок в вопросе о функциях мифа можно выделить три исходных варианта его функционирования в современных условиях. В первом варианте действие мифа можно свести только к одной функции – мифологизации, когда миф на наших глазах обращает в миф любые объекты и отношения подобно тому, как мифический царь Мидас волею Диониса одним прикосновением руки обращал все вещи в золото. И данный процесс не просто имеет место, а носит тотальный характер в обществе. Только как правило не распознается, поскольку происходит на подсознательном уровне. А через мифологизацию проявляются все остальные функции, как ее производные.

Во втором варианте применительно к мифу уместна функциональная оппозиция – мифологизируя, разрушать или созидать, сохранять и преобразовывать.

В третьем варианте допустимо предложить триаду функций, в рамках которых происходит мифологизация: созерцания, разрушения и созидания. Все остальные функции, а их у мифа довольно много, могут выстраиваться в рамках данных структур. В свою очередь стоит напомнить уместное здесь высказывание А.Ф. Лосева, что миф – «не выдумка, а содержит в себе строжайшую и определеннейшую структуру и есть *логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще*» [14, с. 211], что уже несет в себе определённую структуру.

Теперь, после выявления структурных основ, можно оговорить ряд деталей. По поводу первого подхода, на наш взгляд, следует отметить, что, подобно тому, как миф выполняет определенные и, судя по ряду исследований, весьма важные для общества функции, само общество в целом и каждый человек в отдельности через культуру, религию и даже науку обслуживает мифологическую функцию, подвергая мифологизации всё, что для нас значимо. То есть осуществляет функцию мифологизации реальности в форме своего тотального подсознательного мифотворчества.

Науке пока не вполне понятно, с чем это связано? Для чего нужно? И нужно ли вообще? Является ли этот процесс своеобразным «эхом» былых неизжитых, но уже излишних социокультурных потребностей или мифотворчество есть важная и неотъемлемая составляющая духовного поиска человечества на пути к совершенству во все эпохи его истории? Баловство ли это праздных людей или зов рвущейся к вечности души? Следствие не нашего себе применения скучающего ума или неизбежное стремление к трансцендентности? В какой степени неизбежен процесс мифологизации значимой для человечества информации и коммуникационного

процесса? Может ли мифотворчество быть одним из основных условий существования человечества? А если так, то не содержат ли мифы в себе те потенции, без которых человек не сможет ни выжить, ни остаться человеком?

Естественно, когда мы пишем, что эта проблема «не вполне понятна», это не значит, что у нас нет по ней ясных и обоснованных ответов. Ведь содержание нашей работы достаточно внятно показывает, что автор придерживается того мнения, что к мифу необходимо относиться, как к одному из самых важных факторов существования человека и человечества, с которым каким-то весьма странным, но вполне очевидным образом оказывается связана вся самая значимая проблематика их бытия [35]. Но, вместе с тем, поскольку данную позицию разделяют далеко не все исследователи, а доказать ее для всех в равной степени даже чисто психологически довольно проблематично, мы оставляем за нашими оппонентами право не соглашаться с этим и держаться той точки зрения, что миф нам только вредит и мешает.

Что касается бинарной структуры функционирования мифа, мы на ней останавливаться не будем, ограничившись лишь тем, что для структурирования мифа данный вариант довольно удобен, что многократно подчеркивал ещё Ю.М. Лотман [15] и его коллеги семиологи, но он не охватывает всего спектра функций, ограничиваясь теми из них, которые позволяют понять и грамотно разобрать процесс, но не в полном объеме. Поэтому, перейдем к третьему варианту и отметим, что, на наш взгляд, все функции мифа, которых может быть довольно много, сводятся к трем основным. И эти группы функций объединяют вокруг себя остальные функции в соответствии с древним делением функций бога, которые, на наш взгляд, наиболее удачно воплотились в образах уже упоминавшихся богов индуизма: Брахмы, Вишну и Шивы.

В этом смысле все функции мифа можно разделить на функции созерцания (универсальные, мировоззренческие) [10; 37], созидания и разрушения [19; 39], которые в свою очередь могут делиться далее, насчитывая десятки функций в каждой.

Так, в рамках своего функционирования миф формирует общее мировоззрение (мировоззренческая функция), осуществляя смыслообразование (смыслообразующая функция) через символизацию действительности (символизирующая функция) и его означивание (сигнификативно-моделирующая функция), познаёт мир (познавательная функция), синтезирует пространство (синтезирующая функция), проводя символически означенные ассоциации (ассоциативная функция) и осуществляя социальное моделирование (моделирующая функция) [11].

Кроме того, миф отражает социальную реальность в соответствующих образах (мнематически-ориентировочная функция), интерпретирует (интерпретирующая функция) и трансформирует её (функция искривления, искажения, трансформации восприятия), заменяет реальность, позволяя уйти от неё (функция замены реальности), персонифицирует вещи и явления (функция персонификации), мистифицирует (функция мистификации) и сакрализирует действительность (сакрально-магическая функция) [38].

Помимо этого, миф формирует матрицу восприятия (матричная функция) [29], гармонизирует (гармонизирующая функция) и упорядочивает мир (упорядочивающая функция), инвентаризирует (функция инвентаризации) и систематизирует мир (функция систематизации), осуществляет стандартизацию (нормативная функция стандартизации (унификации) и стереотипизации) восприятия и мышления, объясняет мир (функция объяснения) [18], вводя в традиционное русло духовных и

социальных отношений, позволяет сопережить прочувствованное (функция сопереживания (проживания) действительности), идентифицирует (функция идентификации и самоидентификации (поиск тождества) и «позиционирования» (нахождение своего места) в рамках социума, а также осуществляет усвоение и натурализация мифов на индивидуальном уровне (функция интериоризации).

Кроме перечисленных выше функций созерцательно-мировоззренческого характера стоит выделить функции сохранения, изменения, разрушения и преобразования мифических представлений [19]. К ним можно отнести функции, затрагивающие все перечисленные аспекты (нормативная, регулятивная, формирующая (организующая), объединяющая (синтезирующая), мобилизующая, энергетическая (вдохновляющая), воспитательная, морально-этическая, эстетическая, телеологическая (целевая, целеориентирующая), адаптивная, защитная (охранная), сакрально-магическая функции, а также функции социализации личности, формирования духовных потребностей, сакрализации прошлого, соблюдения преемственности, сохранения традиций и духовных основ, посвящения, духовного подчинения, активизации подсознания, создания образно оформленных желаний, побуждающих к действию, очищения и наполнения (информационного и духовного), трансформации общественного сознания в условиях социальных перемен, оправдания, легитимации социальных отношений, культивирования определенных сторон социальной реальности (вещей, людей, явлений, процессов, идей), социального прогнозирования (моделирования), сохранения существующих представлений и отношений (стабилизирующая, табуирования (запретительная), примирения с действительностью), функции борьбы, разделения, ниспровержения, разрушения (противопоставления и разделения, критики общественных ценностей и идеалов и замены их на новые, деструктивная (функция отрицания и разрушения), функции преобразования (преобразующая, развития, созидательная) и пр.

Среди функций мифа также особо стоит отметить функции практического воздействия на общественное сознание, к которым можно отнести информационно-коммуникативную, суггестивную, включая NLP-программирование, ритуализирующую, пропагандистскую, рекламную (формирование социальной, политической и потребительской конъюнктуры), а также функцию формирования информационных основ национальной безопасности.

Применительно к функциям созидания и разрушения следует учесть также, что мифы обладают способностью энергетически неравноценного воздействия. Иначе говоря, последствия от их социального воздействия несопоставимы с возможностями и механизмом их распространения и могут быть соотнесены с затратами на нажатие кнопки взрывного устройства по отношению к тому, что произойдет потом. В этом кроется безусловная важность мифа для живучести социума, который может быть разрушен за счет лишь одной смены его мифологии, как это было сделано с СССР.

Впрочем, чаще нам приходится наблюдать мифотворчество созидания. В частности, по мнению К.А. Богданова, тому, кто понял роль мифа и его социальные функции, не мудрено увлечься «концепцией Питера Бергера о «спасительной» для общества возможности символизировать социальную действительность, конструировать «символическую вселенную» (symbolic universe) за счет материальных ментальных образований культуры» [1, с. 22]. Ведь смысл символизации – в мифотворчестве, а цель – в спасении, когда, устремляясь к высокому, человек погружается в вечность, дабы найти себя в божественном, как человека. Так, с самого рождения через мифотворчество общества происходит

социализация человека через смыслообразование, которое происходит в форме мифов каждого человека и конкретного социума.

В связи с этим стоит особо отметить, что миф не просто наделяет жизнь человека значимым для него смыслом, но и обеспечивает крайне необходимое для социализации человека переживание смысла. И если учитывать это, можно прийти к вполне определенному выводу, что лишить человека его мифа, значит лишить его той внутренней силы, которая заставляет людей осмысленно жить и творить; лишить того, что, собственно, и делает человека человеком.

Исходя из этого, конечно, можно было бы сказать, что лишенный мифа человек превращается в животное, если бы не тот факт, что существо, прошедшее социализацию и ставшее человеком, а, следовательно, обретшее и принявшее те глубинные, заложенные в традиции смыслы, которыми живет общество [5], уже не может их потерять в принципе. Единственно, что в его силах – предпочесть одни мифы другим, как писал А. Гулыга, то есть поменять свою мифологию.

Заключение (Conclusion)

Как видим, в результате такого комплексного культурного или мифологического воздействия на человека и общество, миф, с одной стороны, как бы донашивает ещё не сформировавшуюся личность, погружая её в среду и культуру, программируя модели поведения и отношения ко всему вокруг, деля мир на «своё» и «чужое», а с другой – формирует такой смысловой континуум, который за счёт особого и привычного человеку смыслового напряжения через установленные культы и табу играет для сознания роль защитного поля от внешних мифов-вирусов, выполняя задачи иммунитета в отношении других социальных систем через ответы на вечные фундаментальные вопросы личностного социального бытия: Кто мы среди других? Откуда? Куда идём? Чему служим? Во что верим?

Именно так миф работает в архаичном и современном социуме. И пытаться разрушить его, не предложив ничего взамен, бывает крайне опасно. Особенно с учетом того, что негативные последствия тут обычно проявляются не сразу, становясь очевидными лишь тогда, когда уже ничего изменить нельзя. Однако, учтя вышесказанное, можно прийти к выводу, что исследования мифа и его функционирования в контексте общей теории мифа в перспективе крайне важны. А предложенная в данном случае структурно оформленная матрица его функций имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Литература

1. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследование по семиотике фольклорной действительности. Санкт-Петербург: Искусство – СПб., 2001. 437 с.
2. Бунге М. Интуиция и наука: Пер. с англ. Москва: Прогресс, 1967. 188 с.; Меркулов И.П. Метод гипотез в истории научного познания. М.: Наука, 1984. 188 с.
3. Гулыга А. Миф как философская проблема // Античная культура и современная наука. Москва, 1985. С. 271–276.
4. Екимова О.В. Феномен мифа и его функции в системе современного общества // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. Т.6. № 11. С. 210–212.
5. Кемпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить: Пер. с англ. Кирилл Семенов. Киев: София; ИД Гелиос, 2002. 256 с.

6. Козлов Д. Ф. Структура и функции социологической теории. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 176 с.
7. Козолупенко Д.П. Анализ мифопоэтического мировосприятия: Автореф. дис. докт. филос. наук. М., 2009. [Электронный ресурс] URL: http://dibase.ru/article/16032009_kozolupenkodp2 (дата обращения: 07.02.2021).
8. Козолупенко Д.П. Миф. На гранях культуры. Москва: КАНОН+, 2005. 212 с.
9. Козолупенко Д.П. Мифопоэтическое мировосприятие: Монография. Москва: КАНОН+, 2009. 432 с.
10. Кудаярова М.К. Мировоззренческие функции политических мифов // Новые идеи в философии. 2010. Т. 2. № 19. С. 49–53.
11. Кулинич Е.А. Когнитивная функция PR и мифа в современном обществе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 6 (149). С. 147–153.
12. Леви-Строс К. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. Москва, 1985. С. 9–34.
13. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. Вяч. Вс. Иванова. Москва: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.
14. Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. Москва: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. 1025 с.
15. Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.
16. Мамедов А.А.О. О символической функции мифа // Доклады ТСХА. 2019. С. 190–193.
17. Маслакова А.А. Гносеологическая функция мифа в культуре повседневности // Традиции и инновации в современном культурно-образовательном пространстве. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Л.А. Рапацкая. 2013. С. 132–136.
18. Маслова Ж.Н. Современный миф как структура знания: объяснительная функция мифа в языковой картине мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 2. С. 16–27.
19. Маслова С.В. Мифоразрушительная и мифосозидательная тенденции в современной культуре: Дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2007. 139 с.: ил.
20. Масс У.Б., Барбер Е., Пиккарди Л., Барбер П. Когнитивная структура мифа // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. С. 177–183
21. Мишучков А.А. Специфика и функции мифологического сознания. [Электронный ресурс] // Кредо. 2000. № 24. URL: <http://credo.osu.ru/024/007.shtml> (дата обращения: 07.02.2021).
22. Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России; под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова. Москва: АИРО-XX, 2000. С. 17–38.
23. Пивоев В.М. Праксеологическая функция мифа // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 23–25.

24. Пивоев В.М. Функции мифа в культуре // Вестник МГУ. 1993. №3. С. 36–45.
25. Полосин В.С. Религия. Нация. Государство. Москва: 2015. 504 с.
26. Попов Я.Н. Мир без противоречий (функции мифа в обществе) // Гуманитарные исследования. Уссурийск, 1999. Вып. 3. С. 124–128.
27. Пятигорский А.М. Мифология и сознание современного человека [Электронный ресурс] / Сайт Полит.ру. URL: <http://polit.ru/article/2006/03/02/pjatigorsky/> (дата обращения: 07.02.2021).
28. Ростошинский Е.Н. Структура мифологического мировоззрения [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/rostosh/misl8_10.html (дата обращения: 07.02.2021).
29. Ставицкий А.В. Миф как смысловая матрица культуры и ее универсалия // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 86–92.
30. Ставицкий А.В. Миф и исходные параметры его структурирования // Вопросы психолингвистики, № 3 (41), 2019. С. 174–185.
31. Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.
32. Ставицкий А.В. Полиморфизм мифа и языка в рамках их функционирования // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 292–299.
33. Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 238 с.
34. Ставицкий А.В. Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012. 192 с.
35. Ставицкий А.В. Современный миф: его природа и предназначение. Севастополь: Рибэст, 2013. 148 с.
36. Ставицкий А.В. Структура мифа по К. Леви-Стросу: опыт несостоятельного // Вопросы психолингвистики, 2018, № 1(35). С. 126–140.
37. Ставицкий А.В. Универсальные функции социально-политического мифа: дисс. на соиск. научн. степени канд. филос. наук. Симферополь: ТНУ, 2003. 180 с.
38. Халимулина Р.С. Гносеологические функции мифа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 11S-2. С. 468–473.
39. Целыковский А.А. Структура, свойства и функции политического мифа // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 3. С. 18–24.
40. Целыковский А.А. Функции современной мифологии и идеологии в системе политического сознания // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. С. 253–255.
41. Шинкаренко В.Д. Знаково-смысловая структура мифа // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь) / Под редакцией О. А.

Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019.С. 285–288.

References

1. Bogdanov K.A. Povsednevnost' i mifologiya: Issledovanie po semiotike fol'klornoï deïstvitel'nosti [Everyday Life and Mythology: A Study in the Semiotics of Folklore Reality]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo – SPb., 2001. 437 s. (In Russian).
2. Bunge M. Intuitsiya i nauka [Intuition and Science]: Per. s angl. Moscow: Progress, 1967. 188 s.; Merkulov I.P. Metod gipotez v istorii nauchnogo poznaniya. M.: Nauka, 1984. 188 s. (In Russian).
3. Gulyga A. Mif kak filosofskaya problema [Myth as a Philosophical Problem] // Antichnaya kul'tura i sovremennaya nauka. Moscow, 1985. S. 271–276. (In Russian).
4. Ekimova O.V. Fenomen mifa i ego funktsii v sisteme sovremennogo obshchestva [The Phenomenon of Myth and its Functions in the System of Modern Society] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2010. T.6. № 11. S. 210–212. (In Russian).
5. Campbell J. Mify, v kotorykh nam zhit' [Myths to Live By]: Per. s angl. Kirill Semenov. Kiev: Sofia; ID Gelios, 2002. 256 s.
6. Kozlov D. F. Struktura i funktsii sotsiologicheskoi teorii [Structure and Functions of Sociological Theory]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 176 s. (In Russian).
7. Kozolupenko D.P. Analiz mifopoeticheskogo mirovospriyatiya [An Analysis of the Mythopoetic Worldview]: Avtoref. dis. dokt. filos. nauk. M., 2009. [Elektronnyy resurs] URL: http://dibase.ru/article/16032009_kozolupenkodp2 (data obrashcheniya: 07.02.2021). (In Russian).
8. Kozolupenko D.P. Mif. Na graniakh kul'tury [Myth. On the Edges of Culture]. Moscow: KANON , 2005. 212 s. (In Russian).
9. Kozolupenko D.P. Mifopoeticheskoe mirovospriyatie: Monografiya [Mythopoetic Worldview: A Monograph]. Moscow: KANON , 2009. 432 s. (In Russian).
10. Kudaiarova M.K. Mirovozzrencheskie funktsii politicheskikh mifov [The Worldview Functions of Political Myths] // Novye idei v filosofii. 2010. T. 2. № 19. S. 49–53. (In Russian).
11. Kulinich E.A. Kognitivnaya funktsiya PR i mifa v sovremennom obshchestve [The Cognitive Function of PR and Myth in Modern Society] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2013. № 6 (149). S. 147–153. (In Russian).
12. Levi-Stros K. Struktura i forma. Razmyshleniya nad odnoy rabotoy Vladimira Proppa [Structure and Form. Reflections on a Work by Vladimir Propp] // Zarubezhnye issledovaniya po semiotike fol'klora. Moskva, 1985. С. 9–34.
13. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya [Structural Anthropology] / Per. Viach. Vs. Ivanova. Moscow: Eksmo-Press, 2001. 512 s.
14. Losev A.F. Samoe samo: Sochineniya [Most of All: Essays]. Moscow: ZAO Izd-vo EKSMO-Press, 1999. 1025 s. (In Russian).
15. Lotman Iu.M. Semiosfera [Semiosphere]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 2004. 704 s. (In Russian).
16. Mamedov A.A.O. O simvolicheskoi funktsii mifa [On the Symbolic Function of Myth] // Doklady TSKhA. 2019. S. 190–193. (In Russian).

17. Maslakova A.A. Gnoseologicheskaia funktsiia mifa v kul'ture povsednevnosti [The Epistemological Function of Myth in Everyday Culture] // Traditsii i innovatsii v sovremennom kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Otvetstvennyi redaktor L.A. Rapatskaia. 2013. S. 132–136. (In Russian).

18. Maslova Zh.N. Sovremennyi mif kak struktura znaniia: ob'iasnitel'naia funktsiia mifa v iazykovoï kartine mira [Modern Myth as a Structure of Knowledge: the Explanatory Function of Myth in the Linguistic Picture of the World] // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2021. № 2. S. 16–27. (In Russian).

19. Maslova S.V. Miforazrushitel'naia i mifosozidatel'naia tendentsii v sovremennoi kul'ture [Myth-destructive and Myth-creative Tendencies in Contemporary Culture]: Dis. ... kand. filos. nauk. Tomsk, 2007. 139 s.: il. (In Russian).

20. Mass U.B., Barber E., Pikkardi L., Barber P. Kognitivnaia struktura mifa [The Cognitive structure of Myth] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyi resurs]: Sbornik trudov V Mezhdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii (iiun' 2021 goda, g. Sevastopol') / Pod redaktsiei A.V. Stavitskogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2021. S. 177–183.

21. Mishuchkov A.A. Spetsifika i funktsii mifologicheskogo soznaniia [The Specificity and Functions of Mythological Consciousness]. [Elektronnyi resurs] // Kredo. 2000. № 24. URL: <http://credo.osu.ru/024/007.shtml> (data obrashcheniia: 07.02.2021). (In Russian).

22. Nekliudov S.Iu. Struktura i funktsiia mifa [The Structure and Function of Myth] // Mify i mifologiiia v sovremennoi Rossii; pod red. K. Aimermakhera, F. Bomsdorfa, G. Bordiukova. Moskva: AIRO-XX, 2000. S. 17–38. (In Russian).

23. Pivoev V.M. Prakseologicheskaia funktsiia mifa [The Praxeological Function of Myth] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyi resurs]: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii (iiun' 2020 goda, g. Sevastopol') / Pod redaktsiei A.V. Stavitskogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2020. S. 23–25. (In Russian).

24. Pivoev V.M. Funktsii mifa v kul'ture [The Functions of Myth in Culture] // Vestnik MGU. 1993. №3. S. 36–45. (In Russian).

25. Polosin V.S. Religiiia. Natsiia. Gosudarstvo [Religion. A nation. State]. Moscow: 2015. 504 s. (In Russian).

26. Popov Ia.N. Mir bez protivorechiï (funktsii mifa v obshchestve) [A World Without Contradictions (Functions of Myth in Society)] // Gumanitarnye issledovaniia. Ussuriisk, 1999. Vyp. 3. S. 124–128. (In Russian).

27. Piatigorskii A.M. Mifologiiia i soznanie sovremennogo cheloveka [Mythology and the Consciousness of Modern Man] [Elektronnyi resurs] / Saït Polit.ru. URL: <http://polit.ru/article/2006/03/02/pjatigorsky/> (data obrashcheniia: 07.02.2021). (In Russian).

28. Rostoshinskiï E.N. Ctruktura mifologicheskogo mirovozzreniia [The Structure of the Mythological Worldview] [Elektronnyi resurs]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/rostosh/misl8_10.html (data obrashcheniia: 07.02.2021). (In Russian).

29. Stavitskii A.V. Mif kak smyslovaia matritsa kul'tury i ee universaliiia [Myth as the Semantic Matrix of Culture and its Universality] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyi resurs]: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii (iiun' 2020 goda, g. Sevastopol') / Pod redaktsiei

A.V. Stavitskogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M. V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2020. S. 86–92. (In Russian).

30. Stavitskiĭ A.V. Mif i iskhodnye parametry ego strukturirovaniia [Myth and the Initial Parameters of its Structuring] // Voprosy psikholingvistiki, № 3 (41), 2019. S. 174–185. (In Russian).

31. Stavitskiĭ A.V. Ontologiia sovremennogo mifa [The Ontology of Modern Myth]. Sevastopol': Ribest, 2012. 543 s. (In Russian).

32. Stavitskiĭ A.V. Polimorfizm mifa i iazyka v ramkakh ikh funktsionirovaniia [The Polymorphism of Myth and Language Within their Functioning] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyĭ resurs]: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii (iiun' 2020 goda, g. Sevastopol') / Pod redaktsiei A.V. Stavitskogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2020. S. 292–299. (In Russian).

33. Stavitskiĭ A.V. Sovremennyĭ mif i ego osnovnye funktsii [Modern Myth and its main Functions]. Sevastopol': Ribest, 2012. 238 s. (In Russian).

34. Stavitskiĭ A.V. Sovremennaia mifologika: opyt postizheniia Inogo [Modern Mythologic: the Experience of Comprehending the Other]. Sevastopol': Ribest, 2012. 192 s. (In Russian).

35. Stavitskiĭ A.V. Sovremennyĭ mif: ego priroda i prednaznachenie [Modern Myth: its Nature and Purpose]. Sevastopol': Ribest, 2013. 148 s. (In Russian).

36. Stavitskiĭ A.V. Struktura mifa po K. Levi-Strosu: opyt nesostoiatel'nogo [The Structure of Myth by C. Lévi-Strauss: An Experience of Untenable] // Voprosy psikholingvistiki, 2018, № 1(35). S. 126–140. (In Russian).

37. Stavitskiĭ A.V. Universal'nye funktsii sotsial'no-politicheskogo mifa [The Universal Functions of Socio-political Myth]: diss. na soisk. nauchn. stepeni kand. filos. nauk. Simferopol': TNU, 2003. 180 s. (In Russian).

38. Khalimulina R.S. Gnoseologicheskie funktsii mifa [The Epistemological Functions of Myth] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 11S-2. S. 468–473. (In Russian).

39. Tselykovskii A.A. Struktura, svoĭstva i funktsii politicheskogo mifa [The Structure, Properties and Functions of Political Myth] // Logos et Praxis. 2019. T. 18. № 3. S. 18–24. (In Russian).

40. Tselykovskii A.A. Funktsii sovremennoi mifologii i ideologii v sisteme politicheskogo soznaniia [Functions of Modern Mythology and Ideology in the System of Political Consciousness] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyĭ resurs]: Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii (iiun' 2019 goda, g. Sevastopol') / Pod redaktsiei O.A. Gabrieliāna, A.V. Stavitskogo, V. V. Khapaeva, S.V. Iurchenko. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2019.S. 253–255. (In Russian).

41. Shinkarenko V.D. Znakovo-smyslovaia struktura mifa [The Iconic and Semantic Structure of Myth] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyĭ resurs]: Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii (iiun' 2019 goda, g. Sevastopol') / Pod redaktsiei O. A. Gabrieliāna, A.V. Stavitskogo, V.V. Khapaeva, S.V. Iurchenko. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2019.S. 285–288. (In Russian).

Сведения об авторе:

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: stavis@rambler.ru

Bionotes:

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and Foreign Affairs, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Ставицкий А.В. Общая теория мифа о структуре его функционирования // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 56–74.

For citation:

Stavitskiy A.V. General Theory Of Myth On The Structure Of Its Functioning // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. pp. 56–74.